

© 2018

Юрий Князев

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН
(e-mail: kyuk151@rambler.ru)

О ТРАКТОВКЕ КАТЕГОРИЙ СОБСТВЕННОСТИ В НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ АВТОРОВ

Статья посвящена анализу содержания и роли различных форм собственности в дискуссионных трактовках соответствующих понятий.

Ключевые слова: категория собственности, ее формы, их общественные функции.

DOI: 10.31857/S020736760002274-0

Жизнь человечества непосредственно связана с господствующими в обществе отношениями собственности. В связи с глубокими изменениями в общественном устройстве, интенсивно происходящими на современном этапе человеческой истории, проблематика форм собственности привлекает в последнее время все большее внимание. Наблюдается обострение интереса к пониманию собственности вообще и разных ее форм в условиях современного капитализма, разительно отличающегося от упрощенного представления об этом строе в период его становления и утверждения. Появление и эволюция разных форм долевой собственности и распространение акционерного капитала как господствующего в крупных корпорациях вновь актуализировали вопрос о соотношении частной и общественной компонент и их взаимодействии в этих новых формах собственности. Возникла необходимость в уточнении самих понятий частной и общественной собственности, чем предметно занимаются многие авторы, обращающие внимание на разные аспекты этой проблемы.

Так, в своей статье «К вопросу об общественных благах и общественной собственности» Е. Тарандо сосредоточила внимание на соотношении этих понятий и на их коренных отличиях от соответствующих форм частной собственности. Подходы автора к прояснению этих вопросов оригинальны, но не всегда бесспорны.

Характеризуя существующие при капитализме общественные блага, она пишет: «Общественные блага отличаются от всех других, включая частные, двумя фундаментальными свойствами. Одним из них является свойство неисключаемости. Оно означает, что никто не исключен из отношений доступа к такому благу... было бы желание их присваивать...Получается, что отношения обособленной собственности, на которых построена экономика капиталистических стран, содержит в себе

в определенных нишах отношения общественной собственности, так что обособление имеет свою противоположность — обобществление»¹.

Автор совершает здесь логическую ошибку, объявляя публичные блага общественной собственностью, абстрагируясь от их реальной принадлежности государству, а не всему обществу. Для него важно не это, а способность публичных благ удовлетворять общественные потребности: «Существование общественных потребностей определяет необходимость существования общественной по своему социально-экономическому содержанию собственности, в какую бы организационно-правовую форму она ни облекалась»². Частная собственность, по мнению автора, соответствует частным интересам, групповая — коллективным, общественная — всеобщим интересам. «С этой позиции получается, что существование общественной собственности определяется самим наличием общества и присущими ему потребностями»³.

Наличие общественных потребностей, отличных от частных, не вызывает сомнения, только это совсем не означает, что любая собственность, удовлетворяющая эти потребности, должна считаться общественной, независимо от ее юридической и фактической принадлежности. Публичные блага (например, бесплатные шоссе или маяки) нельзя считать общественными только по той причине, что они могут удовлетворять потребности всех граждан. Всеобщее пользование этими благами не превращает их в общественную собственность, ибо они находятся в собственности государства, которое по своему усмотрению может их ликвидировать (дороги объявить платными, а маяки снять или перенести в другие места). Любая собственность, как известно, обязательно сочетает права владения, распоряжения и пользования, поэтому одно только пользование (например, в случае аренды) не лишает собственника его имущества.

Игнорирование существенного различия между публичными благами и общественной собственностью, между общественными потребностями и средствами их удовлетворения (которые могут быть государственными или частными) приводит автора к ложным выводам. Правильно считая, что с развитием общества развиваются не только индивидуальные и групповые, но и общественные потребности, она ошибочно полагает, что последние обязательно обуславливают появление и укрепление общественной собственности. Такое действительно случается, но не в обязательном порядке.

Подчеркивание взаимосвязи общественной собственности и общественных потребностей приводит автора статьи к выводу о том, что общественная собственность частично имманентна любому обществу на всех этапах его развития и что господство отношений частной собственности не упраздняет ее полностью: «Таким образом, общественная и частная собственность на всем протяжении истории классовых об-

¹ Тарандо Е. К вопросу об общественных благах и общественной собственности // Экономист. 2017. № 7. С. 50.

² Там же. С. 50–51.

³ Там же. С. 51.

ществ не только сосуществуют, но и предположительно взаимодействуют друг с другом, образуя условия функционирования»⁴ общества.

В цитируемой статье предпринимается попытка уточнить само понятие общественной собственности, коль скоро она, по мнению автора, играет столь большую роль на всем протяжении человеческой истории. Неверно, считает она, представлять общественную собственность как ничейную: «...Если нечто принадлежит всем, то это значит, что оно принадлежит каждому. В этом суть общественной собственности. Поэтому собственность реализуется как общественная только тогда, когда она доводится до уровня каждого конкретного индивида, т.е. индивидуализируется»⁵. Индивидуализация общественной собственности означает, в понимании Е. Тарандо, не ее разделение на частные доли, а исключительно возможность каждого индивидуума ею пользоваться. Согласно ее логике, не вся общественная собственность в СССР была таковой по той причине, что индивиды во всей совокупности потребляли лишь часть ее, имея к ней свободный и равный доступ (например, к обязательному среднему образованию), а другими ее частями пользовались лишь определенные группы населения, например, только государственные служащие.

Выступая против дискредитации общественной собственности, когда она отвергается под предлогом ее невозможности в принципе при господстве частной собственности, автор подчеркивает, что необходимым условием функционирования частнокапиталистической собственности является производство и потребление общественных благ: «Поэтому постановка проблемы собственности в виде «или частная, или общественная собственность» является в корне неправильной, метафизической, нежизненной, и ее в текущих условиях следует заменить формулировкой «и частная, и общественная собственность», имея в виду факт их исторической взаимосвязи»⁶.

Обратив внимание на разнородность общественных благ и две тенденции в их появлении, то есть возникновение новых общественных благ и превращение ранее частных благ в общественные (образование и здравоохранение из полностью частных превратились в общественные или смешанные), автор сделала следующий финальный вывод: «...Система общественных отношений каждой формации содержит в себе не только свои доминирующие сущностные особенности, позволяющие определять в качестве именно таковой, а не какой-то другой формации, но и отношения, свойственные следующей формации, вызревающей в недрах своей предшественницы»⁷. Так при капитализме появляются отношения общественной собственности, присутствующие в сфере потребления общественных благ. «Процессы превращения частных благ в общественные связываются с процессами социализации собственности, под которой понимаются появление и умножение элементов общественного присвоения в

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Там же. С. 51.

⁶ Там же. С.52.

⁷ Там же.

системе частнособственнических отношений капитализма... И именно эти процессы рассматриваются как процессы становления будущей, следующей за капитализмом социально-экономической системы»⁸.

Стремление предугадать контуры будущего общественно-экономического строя греет душу многих футурологов вопреки предупреждению К. Маркса о невозможности такого научного предсказания до тех пор, пока это новое общество реально не начнет формироваться. Его отдельные признаки и элементы можно, конечно, увидеть в недрах существующего капиталистического строя подобно тому, как сам классик пришел к выводу о неизбежности обобществления частно-капиталистической собственности как способа преодоления стихийности общественного производства и предупреждения его циклических кризисов. Предвидеть же ход развития конкретных процессов на этом объективном пути практически невозможно. Не удалось это сделать и Е. Тарандо, произвольно истолковавшей понятия публичных благ и общественной собственности и воспринявшей всеобщее пользование некоторыми благами за их принадлежность к общественной собственности.

Другой автор — Е. Трифонов в статье «Взаимосвязь обособления и обобществления собственности»⁹ попытался подойти к уточнению сути общественной собственности с другой стороны, а именно с точки зрения долевого участия в ней сособственников.

Исходным пунктом его рассуждений стала констатация, что необходимость в появлении феномена «собственность» связана с ограниченностью ресурсов для жизнедеятельности людей: «Всеобщим условием существования отношений собственности является действительная ограниченность экономических ресурсов и необходимость упорядочить взаимоотношения между людьми по поводу присвоения этих ресурсов. Экономической формой, определяющей взаимоотношения между людьми по поводу ограниченных ресурсов, является собственность. Собственность предопределяет характер экономических отношений между людьми в связи с присвоением средств производства, продукции и доходов, образуемых на основе производственной деятельности. Соответственно собственность реализует и экономические интересы участников хозяйственной жизни»¹⁰.

Поскольку собственность связана с обособлением разных частей наличных ресурсов с целью их присвоения (с отделением одним собственником от всех других некоторой части объекта собственности) для удовлетворения потребностей конкретного пользователя, то обособленная собственность исторически возникла как индивидуализированная частная форма. Наряду с ней стали появляться и другие формы, возникавшие на групповой, коллективной основе и получившие название кооперативной собственности, составленной из взносов частных собственников. Автор статьи специально разбирает особенности долевой

⁸ Там же. С. 53.

⁹ Трифонов Е. Взаимосвязь обособления и обобществления собственности // Экономист. 2017. № 6.

¹⁰ Там же. С. 54.

собственности, каждая часть которой остается закрепленной за бывшим частным собственником после ее превращения в групповую. При этом он не различает четко понятия общей и общественной собственности и приходит к противоречивым выводам:

«...Долевая форма обобществленной собственности выражает отношения присвоения экономических благ совокупностью субъектов или некоторого объединения участников. Обобществленная или объединенная собственность выступает условием существования долевой собственности... Объединение долей собственности участников имеет разные уровни обобществления. Различают уровни обобществления собственности в зависимости от числа участников: семейная собственность, коллективная, корпоративная, муниципальная, региональная, федеральная, глобальная и т. д. ...Процесс обобществления собственности начинается с уровня семейной и продолжается вплоть до образования глобальной долевой собственности отдельных государств, объединивших свои доли для решения глобальных проблем... Общественная собственность появляется тогда, когда возникает необходимость удовлетворения общих общественных потребностей всей совокупности членов общества»¹¹.

В данном отрывке акценты расставлены вроде бы верно: долевая собственность является общей, то есть групповой, а общественная собственность принадлежит обществу в целом. Но тут же следует замена обобществленной собственности на общественную, в результате чего разница между общей (групповой) и общественной собственностью стирается: «Формы общественной собственности — от кооперативной и корпоративной до государственной и глобальной — представляют собой разные формы объединенной долевой собственности учредителей... Общественная собственность имеет разные уровни обобществления, объединяет различное число обособленных собственников»¹².

Здесь мы сталкиваемся с механистическим пониманием автором понятия «уровни обобществления», которые различаются только численностью участников, а не качественно разными взаимоотношениями между ними. Исходя из такого понимания, он характеризует кооперативную собственность как объединение обособленной собственности учредителей, в результате которого она приобретает черты совместной, общественной собственности, а также как «разновидность общественной собственности, объединяющей доли обособленной собственности уже неограниченного числа членов общества»¹³. Для автора важна исключительно численность участников акционерного общества, но не специфика управления им в отличие от кооператива, а именно разделение акционеров корпорации на две неравные социальные группы — мажоритариев и миноритариев, владельцев голосующих и привилегированных акций (последние не имеют права голоса и обладают привиле-

¹¹ Там же. С. 55.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 56.

гией получать дивиденды, не отвечая за риски некачественного управления). Долевая собственность действительно формально принадлежит многим, но управляется она реально не всеми, а немногими, имеющими на это право в силу преимущественного владения ее значительной части (блокирующим пакетом акций).

Е. Трифонов, видя в долевой собственности образец подлинно общественной собственности, выступает за превращение в нее нынешней муниципальной собственности: «...Муниципальная собственность не может быть ничем иным, как долевой собственностью населения данного муниципального объединения ... Однако она имеет ограниченный общественный характер, так как объединяет только население данного территориального объединения»¹⁴. Более того, и государственная собственность, по его мнению, должна стать долевой: «Государственная собственность способна выражать общественные интересы в том случае, если она представляет собой долевую собственность всех граждан данного государства»¹⁵. Он считает, что до тех пор, пока государственная и муниципальная собственность остается деперсонифицированной, сохраняются условия приватизации ее крупным капиталом.

Чтобы стать общенародной, полагает автор, госсобственность должна состоять из законодательно утвержденных долей личной собственности всех граждан. Как это должно выглядеть практически, как реально каждый гражданин может распоряжаться своей долей общенародной собственности, автор статьи умалчивает.

Однако это не мешает ему сделать далеко идущий вывод: «Социализация и демократизация собственности, когда она выражает экономические интересы возрастающего числа учредителей общественной собственности, означает, с одной стороны, развитие долевой собственности, с другой — преодоление частной собственности»¹⁶. Правда, далее следует уточнение: «Преодоление ограниченности экономических ресурсов создает условия для преодоления отношений собственности...»¹⁷.

Поскольку «исходной и фундаментальной основой отношений собственности является обособленная собственность»¹⁸, из которой вырастают все существующие ее формы, а обособление собственности происходит в силу ограниченности ресурсов, то исчезнуть собственнические отношения смогут, по логике автора, только при условии преодоления этой ограниченности, то есть при достижении изобилия ресурсов. Свой панегирик долевой собственности автор завершает следующим абстрактным утверждением: «Появление массового трудового собственника раскрепощает творческую энергию миллионов, создает предпосылки многократного повышения производительности индивидуального и общественного труда, каждый творческий человек оказывается способным производить продукцию на порядок большую, чем пожизненно

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 60.

¹⁶ Там же. С. 59.

¹⁷ Там же. С. 61.

¹⁸ Там же. С. 62.

потребляемые им блага»¹⁹. К сожалению, эти прекрасные слова не имеют под собой реальной основы, так как не содержат практического алгоритма действий.

В статье «Частная собственность в системе отношений собственности» Е. Трифонов справедливо выступает против абсолютизации либо частной, либо общественной собственности, но в то же время допускает взаимоисключающие заявления. С одной стороны, он утверждает, что «частная собственность — вечная категория, поскольку потребность человека удовлетворять свои интересы носит внеисторический характер», а с другой, что «появление неограниченных экономических ресурсов упраздняет отношения частной собственности вообще»²⁰. Второе заявление логически вытекает из причинно-следственной связи между ограниченностью ресурсов и частной собственностью, а первое почему-то увязывает последнюю с удовлетворением частных потребностей человека, которые в условиях изобилия ресурсов обеспечиваются индивидуальным потреблением из общественных фондов без обязательного преращения их обратно в частную собственность.

Разбор статей двух упомянутых авторов побуждает к выявлению подлинной сущности понятия «общественная собственность», которым часто оперируют для подтверждения собственных фантазий. Утверждение, что собственность не может считаться общественной, если она не поделена на индивидуальные доли, наталкивается на разумное возражение о фиктивности долевого характера такой собственности, так как ее совладельцы не имеют возможности по своему усмотрению распоряжаться своими долями и изымать их из «общего котла». Если же общественная собственность не предполагает выделения индивидуальных долей, то в чем реально выражается ее долевой характер?

На самом же деле **общественной можно называть только ту собственность, которая реально принадлежит обществу в целом. Ею не является по определению ни кооперативная, ни акционерная и иная корпоративная, ни государственная формы собственности.** Государственная собственность, если даже она полностью служит интересам общества, не является непосредственно общественной по той причине, что ею распоряжается именно государство в лице его законодательной и исполнительной власти, а не граждане все вместе или по отдельности. **Непосредственно общественной является такая собственность, которой распоряжаются сами члены общества. Реально это может обеспечиваться всенародным референдумом, который вполне возможен по общим вопросам ее использования в целом, но проблематичен, когда речь идет о конкретном распоряжении ее отдельными частями** (например, какой-то частью земли или недр).

Поскольку алгоритм самоуправленческого распоряжения общественной собственностью не прописан ни в Конституции, ни в законах, мы обречены довольствоваться государственной собственностью как опо-

¹⁹ Там же.

²⁰ Трифонов Евгений. Частная собственность в системе отношений собственности // Общество и экономика. 2017. № 11. С. 34, 38.

средованной формой реализации общественных интересов и сосредоточиться на выборе достойной власти и общественном контроле за деятельностью государственных органов. Как сможет управляться подлинно общественная собственность в будущем, сказать невозможно до появления этого самого будущего. Фантазировать о разных способах превращения нынешней государственной собственности в непосредственно общественную можно сколько угодно, но практического значения такие гадания не имеют. Гораздо продуктивнее было бы отказаться от ложных, идеологизированных представлений об общественной собственности и публичных благах, вводящих в заблуждение и потому вредных для повседневной практики. Таких, например, что частная индивидуальная собственность не предназначена для удовлетворения общественных потребностей. На самом же деле общественные потребности могут удовлетворяться как государственной, так и разными формами частной собственности, участвующими в создании публичных благ (непосредственно или в виде государственно-частного партнерства).

В отличие от мнения советских идеологов, объявлявших общественной, социалистической собственностью две ее формы — государственную и кооперативно-колхозную, **более правильным в современных условиях рыночной экономики следует считать признание частной собственностью не только ее индивидуальную и семейную формы, но и кооперативную, корпоративную и акционерную государственную собственность.** Все это разные формы групповой, коллективной собственности, не имеющих отношения к подлинно общественной собственности. Сюда же относятся и находящиеся в государственной собственности учреждения образования, здравоохранения, социального обеспечения, культуры, управляемые соответствующими государственными органами как публичными благами, которыми, как было показано выше, пользуются все или большинство граждан, но которые от этого не становятся общественной собственностью. Представления, что долевая собственность, в том числе и акционерный капитал, присущие капитализму и приобретающие все большее значение, приближают наступление нового строя-антипода капиталистическому, являются, на наш взгляд, не более чем самообманом.

Не вызывают доверия и некоторые ставшие штампом формулировки, односторонне трактующие понятия, связанные с собственностью. Например, подчеркивание особой прогрессивности либо вертикально интегрированной формы капиталистической собственности, либо кластерной (территориальной) организации производства. Обе эти формы с успехом используются на практике. Сомнительно, чтобы вертикальная интеграция являлась «уже не частной, но еще не государственной» формой собственности. На самом деле корпоративная, акционерная собственность не перестает быть частной. Будучи долевой, она функционирует в рыночной экономике на частнокапиталистической основе, которую не изменяет ее внутренняя организация на коллективистских началах, ибо взаимоотношения между такими организациями и их

главная цель — получение прибыли обусловлены законами конкуренции на капиталистическом рынке.

В настоящее время часто стало подвергаться критике классическое понимание роли общественной и любой другой собственности в производственных процессах. Если в докапиталистических формациях доминирующая форма собственности непосредственно определяла их сущность и характер труда работников, то сейчас капиталистическая собственность на средства производства представляет собой неоднородное понятие и требует неоднозначного отношения к ее разным составляющим. Частная собственность, лежащая в основе ее капиталистической формы, представлена малыми самодостаточными собственниками, единоличными или совместными (на компаньонской основе) владельцами крупных фирм, акционерными корпорациями, объединяющими множество частных держателей акций. По общим для капиталистической рыночной экономики правилам функционируют коллективные формы собственности (кооперативы, товарищества). Государственная собственность, занимающая немалое место, также носит капиталистический характер в силу господствующих в обществе производственных отношений. Поэтому, как правильно отмечает С. Губанов, не имеет большого значения, к какой конкретной форме собственности относятся средства производства — к государственной или частной, важно кем и как они реально используются²¹. Господствующее в российском публицистическом дискурсе убеждение, что на государственный сектор приходится до 70% ВВП, мало что говорит о его реальной роли в производстве и распределении общественного продукта. В статье упомянутого автора приводятся статистические данные о доле государственной и негосударственной форм собственности в стоимости основных производственных фондов (основного капитала), из которых следует, что удельный вес первой сократился с 91% в 1990 г. до 18% в 2015 г., а второй увеличился с 9% до 82%²². Следовательно, в производстве материальных благ на государственную собственность приходится менее одной пятой доли. Согласно данным межотраслевых балансов за 2011–2013 гг., доля государства в использовании ВВП на производственные нужды и того меньше — не более 9%²³.

Методология подсчета ВВП базируется на агрегировании доходов, получаемых всеми гражданами страны за год. Он включает доходы как от производственной деятельности, так и от всех видов услуг. Одни из них (транспортные перевозки, торговая деятельность) увеличивают стоимость продукции реального сектора экономики. Другие (бытовые, коммунальные услуги) создают добавленную стоимость, но оплачивается она из первичных доходов других граждан, то есть путем перераспределения их доходов от производственной деятельности. Третьи (финан-

²¹ Губанов С. Антинаучный миф (о 70% госсектора) и его социальный подтекст // Экономист. 2017. № 8. С. 3–27.

²² Российский статистический ежегодник. М.: Росстат. 2016. С. 288.

²³ Губанов С. Там же. С. 9.

совые, банковские, страховые) также оплачиваются из первичных доходов либо граждан, либо хозяйственных предприятий. Четвертые (социальные, оказываемые по линии здравоохранения, образования, разных социальных служб), оплачиваются преимущественно из государственного бюджета и частично из доходов граждан. Доля государственного сектора в использовании ВВП гораздо выше, чем в его производстве, и выражается в ежегодных объемах его консолидированного бюджета. На долю федерального бюджета РФ приходится 16% ВВП, а вместе с бюджетами региональных органов власти и внебюджетными общественными фондами — не более одной трети (гораздо меньше, чем в передовых странах, где государственные бюджеты равны 50% ВВП и более).

Особой и очень важной проблемой является проблема взаимоотношений собственности и труда и зависимость от их конкретного сочетания разных исторических этапов человеческого общества. Разным господствующим формам собственности соответствует своя мотивация труда непосредственных производителей, как и заинтересованность правящих кругов и общества в целом в сохранении именно таких отношений в производстве и распределении материальных и духовных благ. Именно объективная необходимость наиболее эффективного сочетания форм собственности и мотивации труда лежит в основе смены разных общественно-экономических формаций. Толчком к такой смене становятся, как правило, революционные, качественные изменения в развитии производительных сил, происходящие прежде всего в техническом оснащении производства под влиянием научных открытий. Поэтому элементы нового строя вызревают в среде нынешнего капитализма, явно страдающего дефицитом справедливости, но создающего материальные и духовные предпосылки для перехода к свободному добровольному труду в условиях потребительского изобилия, которое может быть достигнуто благодаря внедрению научно-технотронного производства и переходу к подлинно общественной собственности.